

Уголино;¹¹⁵ именно этот эпизод был единственный переведен прозой П. С. Железниковым.¹¹⁶ Переводя Данте размером подлинника, Катенин уже реализует определенную программу. «У нас много переводят, но почти все с французского, — пишет он в примечании к своему переводу из Данте. — <...> кто из русских читателей знает иначе, как по имени, Ариоста, Шекспира, Кальдерона и Данта? Вот что побудило меня перевести из творений последнего повесть о смерти графа Уголина <...>. Перевод свободный, приноровленный ко вкусу большего числа Читателей, был бы во всех отношениях выгодней для Переводчика; перевод близкий, из стиха в стих, где самый размер подлинника, сколько возможно, сохранен, лучше покажет самого Сочинителя. Я предпочел последнее: мое намерение было только познакомить хоть несколько наших Читателей с великим Данте».¹¹⁷ Эту же стратегию он использует и в октавах из Тассо.

Итак, обращение русских переводчиков к старой итальянской поэзии носило весьма специфическую окраску. Не борение классики с новизной, не битва архаистов и новаторов, не «Расин и Шекспир», а Тассо-«классик» и Тассо-«романтик», вкуче с Ариосто, тем же «классиком/романтиком», но пригодным для «простонародной» поэмы, и напряженно-драматические эпизоды из «Божественной комедии», новой европейской критикой уже приобщенные к «романтизму». Очевидные, общепризнанные образцы — и освященная ими, подспудно проникающая в оригинальную русскую литературу новизна — вот в чем важность «итальянского следа» в русской переводной литературе, тем более что к этому прилагается современный взгляд на Италию, страну, живущую под ясным небом классики, но как будто взрывающуюся изнутри.

¹¹⁵ Уголин. Из Данте / Пер. П. А. Катенин // Сын отечества. 1817. Ч. 36. № 4. С. 97–100.

¹¹⁶ Уголин. Отрывок из Данте / Пер. с фр. П. С. Железникова // Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса. 1800. Ч. 1. С. 350–355. Другие переводы из Данте, сделанные в данный период: Данте. Надпись на вратах адовых // Украинский вестник. 1817. № 4. Апрель. С. 100 (пер. О. М. Сомов); Отрывок из III песни поэмы «Ад» Данте Алигьери («Надежды бросьте вы, входящие сюда...») // Сын отечества. 1823. Ч. 87. № 30. С. 183–188 (пер. А. С. Норов); *Норов Авр.* С. Предсказания Данта: Элегия // Литературные листки. 1824. Ч. 1. № 5. С. 175.

¹¹⁷ Сын отечества. 1817. Ч. 36. № 4. С. 97–98.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-68-77

© А. А. Полякова

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ «ПОЕЗДКИ В РЕВЕЛЬ» А. А. БЕСТУЖЕВА

Ранний интерес А. А. Бестужева к «ливонской» теме был вполне естественным: в 1821–1822 годах он принимал участие в походе гвардии по западной окраине империи и побывал в Эстляндии, Витебской губернии и Минске. Интересующий нас травелог 1821 года, «Поездка в Ревель», явился своеобразным связующим звеном между «ливонскими» «учеными» очерками Бестужева и его историческими повестями. Творческая история «Поездки в Ревель» позволяет проследить тот путь, который писатель прошел от очерков к фикциональным текстам. Но прежде опишем жанровое своеобразие травелога.

На первый взгляд кажется, что жанровые образцы «Поездки в Ревель» вполне очевидны: сам повествователь прямо называет имена Ш. М. Дюпати и Л. Стерна.¹ Тем не менее в разное время исследователи пытались выявить связи этого текста с отечественными образцами, прежде всего — с «Письмами русского путешественника»

¹ См.: Бестужев А. Поездка в Ревель. СПб., 1821. С. 1, 44, 107. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно с указанием в скобках номера страницы.

Н. М. Карамзина, предполагая скорее не прямое, а опосредованное взаимодействие с европейской традицией.²

Круг жанровых претекстов интересующего нас травелога был заметно уточнен в недавней работе Т. Н. Степанищевой «История „Поездки в Ревель“ Александра Бестужева».³ Не отрицая безусловного влияния на текст Бестужева «путешествий» Дюпати и Карамзина, исследовательница подчеркивает, что «Поездка в Ревель» не относится к жанру «сентиментального путешествия», и называет еще один, менее очевидный источник, а именно «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, опубликованные в 1808 году и переизданные в 1815–1816 годах. Степанищева обнаруживает между этими травелогами ряд параллелей (образ рассказчика и особенности композиции). Важен и биографический контекст. Писатели были лично знакомы: Глинка с 1819 года являлся председателем Вольного общества любителей российской словесности (далее — ВОЛРС), а годом позже членом общества стал Бестужев.

Как нам представляется, связь между травелогами Бестужева и Глинки требует дополнительных пояснений. По всей видимости, уже ко времени написания «Поездки в Ревель» в ВОЛРС сформировалась достаточно устойчивая жанровая традиция, действительно не равная «сентиментальному путешествию»; произведения Глинки, одной из ключевых фигур общества, могли стать важным для нее прецедентом.

Согласно программным требованиям общества, выдвинутым в 1817 году секретарем общества А. А. Никитиным и связанным с проектами по изданию полной «Российской энциклопедии», исторического словаря о «великих мужах России» и нового иконографического словаря,⁴ значительную часть текстов «ученых упражнений» должны были составить этнографические путешествия, биографии, «письма» и «записки», отвечающие требованиям исторической точности и достоверности. На этом фоне «Поездка в Ревель» представляет собой сложное и довольно необычное для «ученых упражнений» жанровое единство.⁵

Травелог состоит из двух частей, которым сам автор дает такие определения, как «поездка»,⁶ отсылающее скорее к традиции «ученых путешествий»,⁷ и «дорожные записки»,⁸ предполагающее большую «интимность», но меньшую «кабинетную» (т. е. «ученую») точность. Однако эти определения не дают исчерпывающего представления о жанровой природе обеих частей.

Первая, «Поездка в Ревель», с одной стороны, содержит изображение самого путешествия, написанное в стернианской манере. С другой стороны, в той же части

² См.: *Роболы Т. А.* Литература путешествий // Русская проза: Сб. статей. Л., 1926. С. 42–73; *Коварский Н. А.* Ранний Марлинский // Там же. С. 135–158; *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 328.

³ *Степанищева Т. Н.* История «Поездки в Ревель» Александра Бестужева (цензура как двигатель авторского развития) // Идеологические контексты русской культуры XIX–XX вв. и поэтика перевода. Wien, 2016. С. 23–37 (Wiener Slawistischer Almanach; Sdb 93).

⁴ См.: *Брайловский С. Н.* К вопросу о Пушкинской плеяде: Историко-литературные материалы и исследования (продолжение) // Русский филологический вестник. Варшава, 1909. Т. 61. С. 56–57; *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 90–93.

⁵ Затруднение в жанровом определении этого текста испытали и первые критики. Так, в достаточно благожелательной анонимной рецензии, появившейся на страницах «Сына отечества», а позже перепечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1821. 21 окт. № 84), имеется следующий пассаж: «Это путешествие не ученое, не сентиментальное, а просто рассказ умного, веселого и любезного человека о поездке в такую сторону, которая мерою отстоит от С. Петербурга в трех стах верстах, а нравами и обычаями жителей в трех тысячах. Забавные анекдоты, остроумные замечания, исторические воспоминания, беседы о литературе, стихи и проза сменяются одни другими в приятном разнообразии...» (Сын отечества. 1821. № 42. С. 84).

⁶ Первая часть в журнальной публикации называлась «Путешествие в Ревель», а в отдельном издании получила общее с книгой заглавие «Поездка в Ревель».

⁷ Примерами могут служить такие тексты, как «Поездка к Уральским горам» Е. П. Ковалевского или «Поездка на Илецкую сторону» А. Д. Боровкова, прочитанные на собраниях ВОЛРС в 1817 году.

⁸ Заглавие второй части — «Дорожные записки на возвратном пути из Ревеля».

помещен подробный исторический экскурс в историю Ливонии и Ревеля, композиционно отделенный от основного повествования («исторической» части травелога по преимуществу посвящено последнее, пятое письмо).⁹ Встречаются в этой части и дидактические сентенции о пользе просвещения. Во второй же части «ученых» исторических описаний практически нет: в центре находятся рассуждения повествователя о назначении критики и романтическая повесть о Гедоне Бестужева, которым отведены две главы («Станция Варгель» и «Станция Чирковицы»). Немногочисленные сведения исторического, этнографического или географического характера даются здесь вскользь и разбросаны по всему повествованию.

С нашей точки зрения, первое крупное произведение Бестужева было своего рода компромиссом между программными требованиями ВОЛРС и собственными представлениями писателя о жанре травелога и работе с материалом. Об этом свидетельствуют некоторые эпизоды творческой истории отдельного издания «Поездки в Ревель».

Отрывки из «Поездки в Ревель», впервые прочитанные на заседаниях ВОЛРС 17 и 21 января и 7 февраля 1821 года, были тепло приняты слушателями. Вскоре текст стал появляться на страницах периодических изданий. Первая часть «Поездки» опубликована в февральском и мартовском номерах «Соревнователя...», а уже в апреле и мае того же года в журнале «Невский зритель» выходит продолжение травелога — «Дорожные записки на обратном пути из Ревеля».

Кажется, до сих пор научное описание публикаций травелога Бестужева сводилось к предельно краткой реплике В. Г. Базанова: «„Путешествие в Ревель“ печаталось в 1821 году в Соревнователе (№ 2–3) и тогда же в Петербурге вышло отдельным изданием с некоторыми незначительными изменениями».¹⁰ Но в действительности журнальная и книжная версии «Поездки в Ревель» различаются настолько, что можно говорить о двух редакциях произведения. Книжная версия носит следы многочисленных стилистических исправлений, нацеленных, в частности, на устранение излишней витиеватости слога. Приведем несколько характерных случаев правки подобного рода:

Журнальный вариант / Вариант «Соревнователя...»	Отдельное издание 1821 года
«...шлагбаум Нарвской заставы прогремел мне цепями своими последнее прощание». ¹¹	«...шлагбаум Нарвской заставы прогремел далеко за мною» (с. 2).
«...и мы, засевши в палатку, принялись размачивать шампанским военные фразы свои». ¹²	«...и мы, засевши в палатку, принялись за шампанское» (с. 9).
«Меня узнать было тоже нелегко: рубец на щеке прятался под широкую перевязку и делал меня копию Рыцаря печального образа. — Один французский кирасир вписал его в альбом моей физиономии на память Монмартрского дела, и я долго не мог выздороветь». ¹³	«Меня узнать было тоже нелегко: рубец на щеке, в память Мон-Мартрского дела, прятался под широкую перевязку и делал меня копию Рыцаря печального образа» (с. 12).
«Подле нее забыл я гусарство и весь свет. — Вздыхал как раздуваемый мех, надеялся, боялся...». ¹⁴	«Подле нее забыл я гусарство и весь свет; вздыхал, надеялся, боялся...» (с. 12).

⁹ Пассаж, предваряющий исторический экскурс, соотносится с декларациями Глинки и «соревнователей»: «Между тем, как мечты увлекали сердце, любопытство искало исторических истин, народных преданий, даже басенных вымыслов; память сохраняла их, а разум отличал ложное от бывшего» (с. 51).

¹⁰ Базанов В. Г. Ученая республика. С. 240.

¹¹ Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 13. № 2. С. 134.

¹² Там же. С. 141.

¹³ Там же. С. 144.

¹⁴ Там же. С. 145.

Кроме того, текст отдельного издания заметно расширен за счет дополнений и вставок преимущественно исторического характера — например, описания битвы немцев с русскими дружинами под стенами замка Вензеберг в 1248 году («Письмо второе») или рассказа об учреждении первой народной школы в Вышгороде («Письмо пятое»). Заметно и другое: многочисленные расхождения между разными версиями текста характерны только для первой части «Поездки». При сравнении двух редакций «Дорожных заметок...» очевидно, что разница между публикацией в «Невском зрителе» и текстом отдельного издания минимальна: если в первой части количество расхождений составляет сто семнадцать случаев на сто страниц текста, то на пятидесяти страницах второй части всего семь исправлений.

Рукописи «Поездки в Ревель» не сохранились, но некоторое представление о работе Бестужева над текстом отдельного издания можно получить, обратившись к его переписке за март–октябрь 1821 года. Существенно, что с апреля того же года Бестужев участвовал в походе гвардии по северо-западным губерниям,¹⁵ и с этого момента переписка стала для него единственным каналом связи с литературным миром.

Первое интересующее нас письмо (прежде не публиковавшееся) адресовано Н. И. Гнедичу 26 марта 1821 года и содержит просьбу отредактировать текст «Поездки», готовящейся к выходу отдельным изданием:

«Милостивый государь!
Николай Иванович!

Человек, который желает учиться, чтобы не век быть учеником, покорнейше просит почтенного переводчика Омира произвесть в кавалеры Андреевского креста все периоды и выражения в „Ревельской поездке“, которые покажутся ему сомнительными, а так как начинать копию для нового издания должно с первого листа, сей некто препровождает к вам начало.

Зная, что сочинение мое более выиграет моим отсутствием, хотя я сам чрез то проиграю — не хочу быть эгоистом и отлагаю удовольствие быть с вами до другого дня. — Надеюсь, Николай Иванович, вы не откажете в небольшой поправке или замечаниях истинно уважающему вас

Александрю Бестужеву

1821 года марта 26 дня

Р. S. Когда прикажете приехать за книгой?»¹⁶

Не имея ни текста «Поездки» с правкой Гнедича, ни его ответного письма, мы можем только строить предположения о том, какова была его роль в подготовке отдельного издания. «Началом», отправленным ему, по-видимому, являлась первая часть «Поездки», знакомая Гнедичу по чтениям в ВОЛРС¹⁷ и к 26 марта если еще не опубликованная в «Соревнователе...», то очевидным образом к публикации готовившаяся.¹⁸ Возможно, к «началу» была приложена рукопись еще не напечатанных «Дорожных заметок». Если Гнедич действительно выполнил просьбу Бестужева и внес

¹⁵ В «Краткой биографической канве», составленной Г. В. Прохоровым (РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). № 32. Л. 10), указано, что Бестужев находился в Прибалтике с мая 1821 года. Основанием для этого стали письма литератора к матери и к Ф. В. Булгарину. Но в архиве ВОЛРС сохранился адрес, датированный 4 апреля 1821 года, в котором А. А. Никитин от лица «соревнователей» выражает глубокое сожаление по поводу отъезда Бестужева из Петербурга (см.: *Базанов В. Г. Ученая республика*. С. 229–230).

¹⁶ РНБ. Ф. 69. № 13. Л. 1–1 об. На л. 1 об.: «Милостивому государю Николаю Ивановичу Гнедичу».

¹⁷ Орывки из «Путешествия в Ревель» были прочитаны Бестужевым 28 февраля 1821 года на публичном собрании ВОЛРС, где присутствовал и Гнедич, тогда же представивший на суд слушателей поэму Е. А. Баратынского «Пирры» (см.: *Базанов В. Г. Ученая республика*. С. 229).

¹⁸ В анонсе на 1821 год сказано, что «Общество <...> постарается <...> чтобы книжки ононого выходили в конце каждого месяца» (Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 12. № 12. С. 342). Цензурное разрешение на печатание 13 части журнала, в которой была опубликована «Поездка», получено 30 декабря 1820 года.

правку в обе части «Поездки», это объясняло бы, почему в первой части расхождение между двумя печатными версиями велико, а во второй — минимально. Причина заключалась бы в том, что вторая часть уже при первой публикации на страницах «Невского зрителя» успела пройти через редактуру Гнедича и в отдельном издании существенной правке не подвергалась. Но нельзя исключать и другой вариант: Гнедич мог отнестись к редакции «Дорожных записок» без особого рвения, а отсутствие существенных замечаний Бестужева мог принять за одобрение.

Письмо Бестужева к Гнедичу более интересно как факт их литературных отношений. Как известно, Гнедич пользовался в писательской среде большим авторитетом: в нем видели учителя, наставника. Эта репутация особенно укрепилась после того, как 13 июня 1821 года при избрании Гнедича действительным членом ВОЛРС он произнес на полугодовом заседании общества впечатляющую речь о назначении поэта.¹⁹ По следам этого события написан целый ряд поэтических обращений к нему: послания К. Ф. Рыльева (1821),²⁰ П. А. Плетнева (1821), Е. А. Баратынского (1823), в которых о старшем поэте говорится как о примере для подражания, как о литературном судье. На этом фоне обращает на себя внимание тот факт, что письмо Бестужева написано до произнесения знаменитой речи Гнедича (как, между прочим, и пушкинское послание «<Из письма Гнедичу>», датированное тем же, что и письмо Бестужева, мартом 1821 года и отражающее ту же репутацию старшего поэта).

Насколько тесными были личные отношения Гнедича и Бестужева к моменту написания письма и как они развивались в дальнейшем, определить достаточно трудно. Безусловно, к марту 1821 года писатели уже были знакомы и неоднократно встречались на заседаниях ВОЛРС; 14 февраля 1821 года в отчете о «публичном чтении в Российской академии» Бестужев восторженно отозвался об отрывке из перевода «Илиады», представленном Гнедичем.²¹ Позднее, в письмах 1821–1823 годов, молодой литератор писал о Гнедиче с заметным уважением и симпатией, но достаточно отстраненно.²² В 1824 году, если верить воспоминаниям Михаила Бестужева, Гнедич посещал так называемые «русские завтраки» на квартире Рыльева, в которых принимали участие Н. А. и А. А. Бестужевы, Ф. Н. Глинка, А. А. Дельвиг, А. С. Грибоедов, Л. С. Пушкин.²³ Но в то же время в «Записной книжке» Бестужева за 1824 год, в которой достаточно подробно зафиксированы литературные контакты писателя, имя Гнедича ни разу не упоминается. Тем не менее переводы и стихи Гнедича регулярно появлялись на страницах «Полярной звезды», а в программном «Взгляде на старую и новую словесность» за 1823 год Бестужев отозвался о поэте в самых лестных выражениях.

Трудно точно определить причины, по которым Бестужев попросил именно Гнедича «произвестъ в кавалеры Андреевского креста» сомнительные обороты «Поездки». Автор письма, безусловно, знал об издательском опыте Гнедича, который в 1816–1817 годах редактировал и компоновал тексты Батюшкова, опубликованные затем в составе «Опытов в стихах и прозе», а в 1820 году выступил издателем «Руслана и Людмилы». Но вполне возможно, что Бестужев попросил Гнедича о правке, потому что высоко ценил того в первую очередь как литературного критика. Это предположение подтверждается единодушием некоторых критических отзывов писателей.

В 1816 году Гнедич опубликовал разбор баллады П. А. Катенина «Ольга». Основными претензиями к автору стали многочисленные погрешности против логики, грамматики и стиля, претендующего на подражание народному языку. Один из упреков касался

¹⁹ См.: Там же. 1821. Ч. 15. № 8. С. 129–147.

²⁰ Кроме того, в 1822 году Рылеев посвятил Гнедичу думу «Державин».

²¹ См.: Там же. Ч. 13. № 2. С. 310.

²² Ф. В. Булгарину 26 мая 1821 года: «Помнит ли меня Н. И. Гнедич и все, наконец, которых помнит сердце, не справляясь с расходною книгою учтивости?» (Русская старина. 1901. № 2. С. 393). П. А. Вяземскому 23 мая 1823 года: «...у нас в Обществе, бог весть от чего, завелись партии. Гнедич, которого сменили с вице-президентства, есть посеребренная пружина первой. <...> Другая партия есть партия положительного безвкусица» (Лит. наследство. 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 203).

²³ См.: Бестужев М. А. Из «Моих тюрем» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 51.

неудачного употребления слова «прац»: «Эти стихи летели, но — увь! — пращи не летают. Прац есть веревка или ремень, которые всегда остаются в руках у человека, мечущего ими камни. Разве смелости этой не позволить для чудес баллады? Но тогда надобно позволить, чтобы летали и пушки».²⁴ Спустя четыре года в отзыве на катенинскую «Песнь о первом сражении русских с татарами при реке Калке...» Бестужев предъявил автору те же претензии, что и Гнедич, а в пассаже, посвященном неуместному употреблению слова «прац» практически процитировал его: «Что до пращей, говорено было не однажды, они летать по воздуху не могут, да и не должны точно так же, как наши пушки и мортиры. Из пращей метали камня, но сами они всегда оставались в руке».²⁵

Обращение к другим критическим отзывам Бестужева показывает, что он не просто шел по стопам Гнедича, но искренне разделял его убеждения. В бестужевских рецензиях постоянно звучит мысль о недопустимости в литературе разговорного языка и просторечия. Впервые в этом духе критик высказался в 1819 году, в разгромном отзыве на катенинский перевод трагедии Ж. Расина «Эсфирь».²⁶ Более того, использование просторечия Бестужев считал недопустимым даже в комедии, упрекая в этом и А. А. Шаховского, автора «Липецких вод»,²⁷ и Н. В. Сушкова, подготовившего перевод комедии А. Пирона «Метромания, или Страсть к стихотворству».²⁸

Следующая после письма к Гнедичу хронологическая веха в истории подготовки второй редакции травелога Бестужева — 3 мая 1821 года, дата поступления рукописи «Поездки» в Цензурный комитет.²⁹ Однако и после этого Бестужев продолжал активно работать над текстом отдельного издания. Его письма позволяют частично реконструировать этапы работы над историческими экскурсами, составляющими значительную часть книги.

Проблема источников «Поездки» уже поднималась, в частности, С. Г. Исаковым.³⁰ Однако среди этих источников не назван, казалось бы, самый очевидный — «История государства Российского» Карамзина, обращение к которой сыграло немаловажную роль при подготовке второй редакции «Поездки».

Большинство писем 1821 года адресованы Ф. В. Булгарину, который до 1825 года был близким приятелем Бестужева. В связи с нашей темой в первую очередь интересны два письма. В первом, датированном 26 мая, говорится: «Греча попроси об истории Карамзина».³¹ Понять, о каком именно томе «Истории» идет речь, достаточно легко: в апреле 1821 года выходит 9-й том, посвященный царствованию Ивана Грозного в 60–80-е годы XVI века. Первое знакомство Бестужева с этим томом произошло еще в начале 1821 года. В № 2 «Соревнователя...» содержится уже упоминавшийся выше бестужевский отчет о торжественном заседании Императорской Российской академии, на котором Карамзин зачитывал отдельные главы из 9-го тома о войне Ивана Грозного с польским королем Стефаном Баторием. Автор отчета довольно кратко, но с восхищением отозвался об этом выступлении: «С каким живым участием все слушали подвиги предков своих! С каким удовольствием будем мы рассказывать внукам, что слышали самого Карамзина!»³²

²⁴ Сын отечества. 1816. Ч. 31. № 27. С. 17–18.

²⁵ Там же. 1820. Ч. 59. № 2. С. 248.

²⁶ Там же. 1819. Ч. 51. № 3. С. 119.

²⁷ См.: Бестужев А. А. <Рец. на:> Липецкие воды, или Урок кокеткам. Комедия в 5 действиях в стихах. 1815 года. В Типогр<афии> Импер<аторского> театра // Там же. 1819. Ч. 51. № 6. С. 261, 267.

²⁸ См.: Бестужев А. А. <Рец. на:> Метромания, или Страсть к стихотворству. Комедия в пяти действиях в стихах. Сочинение Пирона, вольный перевод Н. В. Сушкова // Там же. 1821. Ч. 67. № 7. С. 317–318.

²⁹ Дата устанавливается согласно «Ежемесячной ведомости о разрешенных рукописях и книгах с указанием времени поступления рукописи и цензора, рассмотревшего ее» (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 350. Л. 34).

³⁰ См.: Исаков С. Г. Неизвестная статья А. А. Бестужева-Марлинского // Тр. по русской и славянской филологии П. Тарту, 1959. С. 269–277 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 78).

³¹ Русская старина. 1901. № 2. С. 393.

³² Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 13. № 2. С. 311.

Спустя месяц, 20 июня Бестужев посылает Булгарину второе письмо, до сих пор не публиковавшееся. В содержании его важны два момента. Во-первых, Бестужев благодарит адресата за том «Истории», полученный им 18 июня. Во-вторых, он высылает Булгарину ряд поправок к тексту «Поездки», которые тот должен передать И. В. Слёнину, книгопродавцу и издателю, в 1821 году выполнявшему обязанности комиссионера ВОЛРС: «Прилагаемые при сем поправки в Ревельск<ие> бредни отправь, пожалуйста, с поклоном к Слёнину для вставки где в хронографии увидишь, а старое вычеркнуть до годов 1600-х. Как увидишь, не имея прежде верных историй, я упомянул слишком кратко о важных делах».³³

Отдельное издание «Поездки» получило цензурное разрешение 25 июня, разрешение на выпуск из типографии — 23 сентября 1821 года.³⁴ В промежутке между этими датами высланные писателем поправки, касающиеся деятельности Ивана Грозного в Ливонии, внести удалось (что же касается второй просьбы Бестужева — «старое вычеркнуть до годов 1600-х», — Булгарин ее не выполнил). Автограф с поправками, вложенными в письмо к Булгарину, не сохранился, но их можно частично реконструировать, сопоставив журнальную версию с отдельным изданием «Поездки», в котором появилось несколько уточнений и ряд новых эпизодов.³⁵ Большинство вставок буквально цитируют текст Карамзина, поэтому их источник не вызывает сомнений. Вот несколько параллелей подобного рода:

Н. М. Карамзин «История государства Российского»	А. А. Бестужев «Поездка в Ревель»
«Воеводы московские, боярин Иван Петрович Яковлев, князя Лыков, Кропоткин, не умея взять Ревеля, только грабили села эстонские...». ³⁶	«...воеводы московские, боярин Яковлев, князя Кропоткин и Лыков не могли, ибо не умели, взять города; только буйствовали в окрестностях...» (с. 63).
«...Иван Васильевич Меньший Шереметев, который дал слово Государю взять Ревель или положить там свою голову. <...> Шереметев сдержал слово: не взял Ревеля, но положил свою голову, убитый ядром пушечным». ³⁷	«Шереметев (Иван) обещал взять город или умереть, и сложил голову, не взяв оно» (с. 64).
«Явился витязь, сын ревельского монетчика, Ив Шенкенберг, прозванный Аннибалом за смелость: предводительствуя толпами вооруженных земледельцев, он взял Виттенштейн, сжег Пернау, ограбил несколько городков и замков в Ервене, в Вирландии, близ Дерпта; злодейски мучил, убивал наших пленников...». ³⁸	«Шенкенберг, прозванный Аннибалом, сын ревельского ремесленника, предвоя толпами крестьян, преследовал шестинедельною осадю утомленных россиян, даже отнимал города, брал наши замки, мучил, терзал пленников» (с. 65).

Нужно сказать, что Бестужев, в сентябре–октябре квартировавший сначала в Полоцке, а позже под Минском в Выгоничах, вплоть до появления «Поездки» в продаже не знал, удалось ли внести в текст высланные им дополнения. 6 сентября он писал Булгарину: «Пожалуйста, уведоь меня, получил ли ты письмо с поправками для Рев<ельского> Путеш<ествия>».³⁹ 22 октября, т. е. на следующий день после объяв-

³³ ИРЛИ. Ф. 623 (Ф. В. Булгарин). № 30. Л. 3 об.

³⁴ Дата выдачи цензурного билета устанавливается по «Книге для записи билетов, выдаваемых из цензурного комитета» за 1816–1821 годы (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 370. Л. 4).

³⁵ К их числу относятся: упоминание «изменников» Крузе и Таубе, поверенных Магнуса (с. 63); описание осады Ревеля в 1557 году (с. 62–66); упоминание генерала Горна, которого Бестужев делает «комендантом Ревеля» (с. 64); смерть Ивана Шереметьева (с. 64); предание об Иве Шенкенберге (с. 65).

³⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. С. 174.

³⁷ Там же. С. 251–252.

³⁸ Там же. С. 253.

³⁹ Русская старина. 1901. № 2. С. 395.

ления о продаже «Поездки» в «Санкт-Петербургских ведомостях», Бестужев пишет Булгарину еще одно письмо, свидетельствующее о том, что с сентября судьба поправки так и не прояснилась для автора: «Неужели все родные и приятели стакнулись целые два месяца не писать ко мне ни слова? Неужели и ты, юноша, последовал их примеру на муки горюну-драгуну? Нечего сказать, хороши вы, гуси! Я палю письмами, а вы не хотите порадовать ни строчкой! <...> Возвратное путешествие из Ревеля, если можно достать листками, пожалуйста, перешли, ибо я его не читал в печати. Еще, mon cher, уведошь меня, получил ли ты с поправками Ревельское Путешествие и письмо, из Полоцка пущенное? Если нет, то я, право, начинаю верить, что в моих письмах кто-нибудь думает сыскать карбонарство; и точно там одни угольные чернила».⁴⁰

Обратимся к анализу содержательных и стилистических изменений, внесенных в текст отдельного издания. Изменения первого рода показывают, на наш взгляд, как Бестужев пытается, с одной стороны, соответствовать программным требованиям ВОЛРС, с другой — идти собственным путем.

Текст второй редакции «Поездки» заметно увеличился за счет включения дополнительных исторических эпизодов, городских легенд, новых этнографических наблюдений, а также многочисленных уточнений, подробностей и деталей. Представляется, что функция большинства подобных вставок состоит в том, чтобы придать травелого более «ученый» характер описаний и сделать их «по-кабинетному» точными. Кроме того, среди исторических вставок выделяются «вольнолюбивые» эпизоды истории Ливонии и Ревеля. Так, во второй редакции можно встретить следующий пассаж: «...заметим, что жители ревельские, переходя из-под одной власти под другую, не преставали быть вольными, сохранили свой отличительный характер честности в политическом быту, Любекские законы в гражданском судопроизводстве и всегда своим согласием скрепляли договоры, начертанные рукою победителя или необходимости» (с. 72–73). В качестве подтверждения «вольнолюбивого» характера ревельцев Бестужев ссылается на известные исторические события — «Юрьеву ночь» 1243 года⁴¹ или осаду Ревеля войсками Ивана Грозного в 1571 и 1577 годах (с. 63–64), которые не могут не напоминать о соответствующем эпизоде из истории Новгорода. Думается, «вольнолюбивая» линия травелога прямо связана с программой «Соревнователя...»⁴² и соответствовала взглядам Бестужева.

Кроме того, отдельное издание травелога расширено за счет включения в текст не только исторических экскурсов, но и пространных лирических отступлений⁴³ и забавных эпизодов, в которых рассказчик по-стерниански развлекает своего читателя.⁴⁴

⁴⁰ Там же. С. 396.

⁴¹ «В 1243 году эстонцы, раздраженные угнетениями новых своих владельцев, подняли знамя свободы и мстительное железо их обогрилось кровью немецкою. Около двух тысяч дворян и рыцарей заплатили головами за жестокость свою. Замки пылали, осада грозила Ревелю, и датчане принуждены были просить помощи орденской. Гермейстер Бернгард фон Дрейлебен повел войско, сильное числом, мечью и оружием, против инсургентов. Эстонцы решились умереть с мечем в руке — и легли все до одного неподалеку от Ревеля. Их было 10 000. Совершенное рабство всех ливонцев было следствием сего благородного поступка, достойного Спарты и Гельвеции» (с. 56–57).

⁴² См.: Базанов В. Г. Ученая республика. С. 239–247.

⁴³ См., например: «Не знаю, случилось ли вам, друзья мои, испытывать переход от бдения ко сну, какой я всегда испытываю; иногда бывает он вовсе не последним сном и часто заменяет оный физически: — мысли нечувствительно смешиваются, бледнеют, меркнут; ухо внимает еще внешним звукам, но уже сливает оные с неясною внутреннею мечтою; еще нить последнего понятия, как бы сотрясаясь, повременно дает себя чувствовать; но какой-то хаос туманит воображение и память, сплывая все в одно невыразимое ощущение...» (с. 21).

⁴⁴ См.: «Уступив прелестной незнакомке место свое, он вступил в разговор, и мы узнали, что фамилия ее *** р и что она едет из Ревеля. — „Опять романтическое приключение“ думаете вы — и ошибетесь; встреча началась тем, что я был в большом замешательстве, вбежав закутанный в горницу. — „Pardonnez, madame!“ бормотал я, схватившись за шапку свою, прикрепленную тремя Гордиевыми узлами; но шапка не снималась, — я с минуту бился в ней как Дмитриева Голубок в силке; стащил ее на глаза и наконец кое-как освободил свою голову из очарованной чалмы. Можете вообразить себе эту комическую сцену! Объявив торжественно брату о готовности повозок, мы пожалели, что такая красавица не будет украшать собою ревельские праздники...» (с. 16–17; курсив мой. — А. П.). Выделенный фрагмент добавлен во вторую редакцию травелога.

Эти случаи представляют собой развитие тенденции, заметной уже по первой редакции «Поездки». С одной стороны, Бестужев явно старается сделать свой текст информативным, с другой — стремится к занимательности, включая в текст травелога смешные сценки или занятную историческую повесть, демонстрируя остроумие и любовь к каламбурам.⁴⁵ Однако, как было показано выше, текст второй редакции очищен от нагромождения метафор, фразы стали более логичными и лаконичными. Впрочем, даже после этой правки критики отмечали, что в «Поездке» «иногда встречаются обороты и выражения натянутые и выисканные».⁴⁶

Итак, стремлению приблизиться к жанровым канонам «ученого путешествия» противостоит в травелоге Бестужева не менее явное и вполне осознанное стремление уйти от этих канонов. Именно последняя тенденция будет набирать силу в его творчестве 1820-х годов, и в соответствии с ней изменятся принципы обращения Бестужева к истории. В его малоизвестной статье «Ливония»⁴⁷ будет высказана мысль о важности истории Прибалтики как материала не для политических или философских рассуждений, но в первую очередь для романических и «романтических забав».⁴⁸

Форма травелога, объединяющая текст «Поездки в Ревель», также утрачивает для писателя свою актуальность. Один из ее эпизодов, как давно замечено,⁴⁹ превращается в «ливонскую» повесть «Ревельский турнир».⁵⁰ Другие фрагменты, по представлениям Бестужева, способны на «самостоятельную жизнь» и без дополнительной обработки. Спустя двенадцать лет после публикации «Поездки в Ревель» Бестужев пишет К. А. Полевому, который занимается в это время изданием 6–8-й частей «Русских повестей и рассказов»: «Дай только вам бог терпения при издании моих пустяков. <...> Как вы думаете: вместить ли <...> „Поездку в Ревель“? Если не рассудите, то выньте для печати рассказ майора Крона и Гедеона Бестужева». Располагайте и карнайте все как угодно».⁵¹

Впрочем, в своих творческих поисках Бестужев не всегда полностью отказывается от структуры «путешествия» — но действительная принадлежность новых произведений к этому жанру весьма сомнительна. В письме к Булгарину от 26 мая 1821 года (напомним, что в это время Бестужев все еще работает над текстом отдельного издания своего травелога), отправленном из Дерпта, он пишет: «...у меня есть листа два набросано о пути нашем. Но ленюсь или не имею времени переписать и потому в Общество их не посылаю. При том же без романтических манжет сухой маршрут наш не весьма забавен, и потому я жду, чтоб выдался день прилежанию, чтоб выдумать для этого сказки две, три и тогда: *vogue la galère!*»⁵²

По предположению Г. В. Прохорова, речь идет об исторической повести «Замок Венден» или об очерке «Листок из дневника гвардейского офицера», в текстах кото-

⁴⁵ Необходимость развлекать читателя мотивирована в тексте «Дорожных записок на обратном пути из Ревеля»: «...сухая ученость, не приправленная шутками, никак не понравится юношествующему вкусу нашей публики, — словом, внимание читателей надобно привлекать как электричество — остротами» (с. 111).

⁴⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1821. 21 окт. № 84.

⁴⁷ Опубликовано без указания авторства: [Б. п.]. Ливония (Отрывок) // Невский альманах на 1829 год. СПб., 1828. С. 344–364. Впервые этот текст был атрибутирован Бестужеву С. Г. Исаковым (см.: Исаков С. Г. Неизвестная статья А. А. Бестужева-Марлинского).

⁴⁸ См.: [Б. п.]. Ливония (Отрывок). С. 362–363.

⁴⁹ См.: Коварский Н. А. Ранний Марлинский. С. 137.

⁵⁰ Впервые опубликована в «Полярной звезде» на 1825 год (с. 35–102).

⁵¹ Русский вестник. 1861. № 4. С. 444. В подготовленных К. А. Полевым 6–8-й частях «Русских повестей и рассказов» (1834) отрывок о Гедеоне Бестужеве напечатан в составе текста «Поездки в Ревель» (Ч. 6. С. 132–149). При переиздании «Русских повестей и рассказов» (1838), уже целиком подготовленных Полевым и вышедших с указанием имени автора, повесть о Гедеоне Бестужеве была исключена из «Поездки в Ревель» (Ч. 6. С. 5–126), однако не появилась и в виде отдельного текста. Как самостоятельное произведение повесть о Гедеоне Бестужеве была опубликована лишь после смерти автора в издании: Марлинский А. Второе полное собрание сочинений. СПб., 1847. Т. 4. Ч. 10. С. 151–163.

⁵² Русская старина. 1901. № 2. С. 393.

рых Бестужев проставил даты: «Мая 23, 1821 года» и «1821, 28 мая».⁵³ Названные Прохоровым произведения заслуживают внимания с точки зрения жанровых поисков писателя, который, как мы видим из письма к Булгарину, стремился придать своим новым текстам занимательность и остросюжетность, не характерные для «ученых путешествий».

Повесть «Замок Венден»⁵⁴ выдержана в ультраромантическом ключе с характерными мотивами мести, убийства и т. д.; «исторический» контекст минимален (отсылки к нему по преимуществу содержатся в авторских примечаниях и, таким образом, отделены от художественного повествования). Само же путешествие, лишь кратко упомянутое в начале повести, не имеет никакого самостоятельного значения, исторического или этнографического. Позднее сходная композиция будет использована в других «ливонских» повестях — «Замок Нейгаузен» (1824) и «Кровь за кровь» (1825).

Что же касается опубликованного в «Соревнователе...» очерка «Листок из дневника...»,⁵⁵ то уже самим своим заголовком он отсылает к «традиционному» путешествию, а по форме близок к первой части «Поездки в Ревель». Привычные этнографические наблюдения над бытом эстонцев и русских рыбаков сочетаются в очерке с лирическими отступлениями, историческими экскурсами в историю Ледового побоища⁵⁶ и стихотворениями, этому событию посвященными.

Но другой текст, казалось бы, того же рода, «Еще листок из дневника гвардейского офицера»,⁵⁷ «датированный» 12 июня 1821 года, совершенно не соответствует тем ожиданиям, которые могли сложиться по прочтении предыдущего «Листка». Как и «Замок Венден» или подобные ему «ливонские повести», второй «листок» имеет рамочную композицию, однако основная его часть представляет собой не историческую повесть, а рассказ с сюжетом в духе баллады или «страшных» романов А. Радклиф, к произведениям которой в самом тексте есть ироничная отсылка.⁵⁸ В финале «страшная история» оказывается мнимой: выясняется, что встреча с разбойниками была сном. К этому раннему эксперименту с традицией Бестужев вернется почти десять лет спустя в «Страшном гаданьи» (1831); здесь мы встретим тот же фантастический рассказ с балладными атрибутами, тот же скепсис повествователя и разоблачающий фантастику пуант — но для мотивировки основного повествования Бестужеву уже не требуется вводить в рассказ элементы литературного путешествия.

⁵³ Гипотеза Г. В. Прохорова высказана в его неизданном комментарии к письмам Бестужева (РНБ. Ф. 69. № 45. Л. 1135).

⁵⁴ Впервые опубликована в «Библиотеке для чтения, составленной из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности» (1823. Кн. 9. С. 3–16).

⁵⁵ Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 22. № 6. С. 256–265. Очерк был прочитан на собрании ВОЛРС 20 марта 1822 года (см. «Журнал ученых упражнений...» 1822 года: *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 414).

⁵⁶ Исторические экскурсии сопровождаются отсылками к летописям. См., например: «Это не вымысел. Во Временнике Софийском летописец, писавший по словам самовидца, входит еще в дальнейшие подробности, может быть, весьма занимательные для историка и стратегика, но которые не всегда дружатся с поэзией» (Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 22. № 6. С. 264).

⁵⁷ Впервые опубликован в 8-й книге «Библиотеки для чтения» на 1823 год (с. 66–72) под заглавием «Листок из дневника гвардейского офицера». Согласно содержанию «Журнала ученых упражнений...» 1822 года, 13 марта Бестужев прочел на заседании ВОЛРС «Отрывок из дневника гвардейского офицера» (см.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 413), но в «Соревнователе...» текста под таким заглавием нет; по-видимому, речь идет об одном и том же тексте. Название «Еще один листок...» закрепилось за рассказом после его публикации во втором посмертном собрании сочинений А. Марлинского в 1847 году. Вероятно, два «Листка...» были восприняты издателем — без особых на то оснований — как части единого «дневникового» замысла.

⁵⁸ «— Наше путешествие — славная сцена для чудесного романа, сказал я, усмехаясь, товарищу. — Да, и ночь самая радклифская, отвечал он: чернее коней шестого эскадрона; не достаёт только вертепа и разбойников!» (Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. 1823. Кн. 8. С. 68).